

Знакомый приступ головокружения накатил внезапно. Когда Коу Дун открыл глаза, перед ним снова раскинулась деревня Шаньхай — место, откуда он ушел буквально минуту назад.

Коу Дун лишь безмолвно застыл.

Ну и злость же его взяла!

Он привык сам обходить глупых NPC вокруг пальца своими хитроумными выкрутасами, но никак не ожидал, что однажды они отплатят ему той же монетой. Хуже всего, что этот паршивец перенял его же методы исключительно ради того, чтобы затащить его на свидание...

Какое тут, к черту, свидание?

Коу Дуну было до слез жаль потраченных ценных артефактов, а еще больше хотелось разmozжить этому наглецу его наглую башку.

Наконец оглядевшись, он понял, что находится в совершенно незнакомом святилище. Это место разительно отличалось от убогого деревенского храма. Под высоким сводом покачивались сотни изящных лotosовых светильников, а лаковые алые колонны покрывала тончайшая резьба с изображением небесных дев, рассыпающих лепестки. На главном постаменте высилось изваяние самого Коу Дуна. В руке божество держало цветок, чьи глянцевые лепестки испускали едва уловимое золотистое свечение — точь-в-точь как на загадочной фреске в храме Злого божества.

В полумраке молились немногие прихожане, благоговейно склонившись на мягких ковриках. До ушей Коу Дуна долетал их тихий шепот. Молодые женщины просили о суженом, старики молили о здоровье для детей и внуков — самые простые, бесхитростные людские надежды.

Судя по всему, для этого свидания время снова повернуло вспять.

Он очутился в эпохе, предшествующей кровавому бунту жителей Шаньхай. Здесь он все еще оставался великим Праведным божеством, окруженным почетом и людским поклонением.

Ранним утром в святилище царило затишье.

Помимо привыкших спозаранку вставать стариков, сюда забредали лишь юные девы, оберегавшие свои сердечные тайны от чужих глаз. Когда разошлись и они, под сводами храма вновь воцарилось безмолвие. Божество восседало на своем престоле в гордом одиночестве.

Первые лучи солнца робко коснулись решетчатых окон, но больше никто не переступал порог.

Коу Дун не суетился.

Раз это свидание, актеров на сцене должно быть двое.

Первый уже явился, а второй... второй наверняка на подходе.

Ожидание не затянулось. Вскоре снаружи донеслись шаги.

Тяжелая деревянная дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался гость. Он небрежно оправил полы одеяний и неторопливо вошел внутрь.

— Заждался? — раздался знакомый ленивый голос.

Злое божество по-хозяйски поднялось на алтарное возвышение и нежно коснулось пальцами щеки Коу Дуна.

— Твои почитатели на редкость преданны. Бегут выказывать почтение ни свет ни заря.

Он приподнял полы своего роскошного халата и потянул за собой оцепенелого хозяина храма, заставляя его сесть рядом. Коу Дун отделился от каменного изваяния и опустился на парчовые подушки, чувствуя себя деревянным истуканом. От такой бесцеремонности у него по коже побежали мурашки.

«Терпи, парень, терпи, — мысленно уговаривал он себя. — Все ради душевного спокойствия этого сумасшедшего...»

Только если этот безумец останется доволен, Коу Дун сможет рассчитывать на заветные очки достижений.

Кое-как устроившись поудобнее, он попытался сообразить, в какой именно сценарий из прошлого Злого божества его забросило на сей раз.

Судя по всему, они уже состояли в отношениях.

От этой мысли его снова невольно передернуло.

НПС, напротив, держался совершенно непринужденно. Он окинул собеседника оценивающим взглядом с ног до головы и, заметив его напряженное молчание, тепло улыбнулся.

— Все еще болит? — ласково спросил он, придвигаясь ближе, и несильно шлепнул Коу Дуна по пояснице. — Что, сегодня вдруг проснулась стыдливость? М-м?

Он понизил голос до интимного шепота:

— Вчера, когда ты при всех своих прихожанах обхватил ногами мою талию... ты вел себя куда смелее.

Коу Дуна затапливала волна искреннего шока.

«Эй, приятель, давай-ка поподробнее! Какое еще "обхватил ногами талию при прихожанах"?!»

Хотя сценарии для свиданий всегда создавались воображением самих неигровых персонажей, приличные боссы старались держать свои фантазии в рамках приличия. К примеру, Крёстный отец вообразил всего лишь милую сцену, где его любимый крестник во время танца вечно наступал партнерам на ноги.

Но что, черт возьми, творилось в голове у этого чудовища?!

Коу Дун не желал знать подробностей. Даже этой короткой реплики хватило, чтобы понять: их предыстория полна вещей, о которых примерному юноше, воспитанному в новую эпоху, думать не полагалось.

В конце концов, при нынешней драконовской интернет-цензуре добропорядочным гражданам была доступна исключительно платоническая любовь — строго выше воротника.

Хранитель платонических идеалов предпринял робкую попытку защитить свою честь:

— Ты уверен, что это был именно я?

«В конце концов, я совершенно не похож на того, кто способен прилюдно запрыгнуть на тебя и обхватить ногами за поясницу».

Улыбка на губах Злого божества стала еще шире. Он пристально вглядывался в безупречный, исполненный божественного величия лик собеседника.

— Желаете освежить память?

Коу Дун замахал руками:

— Нет-нет, избавь меня от этого.

Подобные эксперименты ему были ни к чему. Он всерьез опасался, что после такого сеанса «освежения памяти» модераторы трансляции забанят его пожизненно, без права на обжалование.

Собеседнику, однако, любые его слова теперь казались милым кокетством. Он тихо рассмеялся:

— Опять смущаешься.

Коу Дун мысленно развел руками.

«Дружище, очнись! Где я и где смущение? Между нами вообще нет ничего общего!»

В Злом божестве, похоже, окончательно проснулся инстинкт властного деспота. Сейчас он взирал на Коу Дуна так, словно тот был коварным искушителем, помутившим его рассудок.

— Я уже явился твоей пастве во сне. Очень скоро они доставят сюда мое изваяние.

Коу Дун слегка приоткрыл рот. На его лице отразилось крайнее недоумение.

«Доставят его статую? Зачем?»

Прежде чем он успел осмыслить услышанное, божество добавило:

— Ее установят вплотную к твоей.

Он нежно коснулся пальцем лба Коу Дуна.

— И заживем мы в этом храме душа в душу, как чета небесных владык. Что скажешь?

Коу Дун онемел.

«Твою же мать, нет! Категорически против! Это же буквально предложение съехаться!»

Но именно в этот неподходящий момент в его сознании ярким неоном вспыхнули слова «очки достижений». Гордость отчаянно боролась с алчностью. Зажатый между двух огней, Коу Дун в конце концов зажмурился и принялся беззвучно шептать свою привычную мантру:

«Надо ублажить его... Надо сделать так, чтобы этот сумасшедший остался доволен...»

Стиснув зубы, он с абсолютно каменным выражением лица выдавил:

— Да... О лучшем я и мечтать не смел.

Его кислая мина разительно контрастировала со сказанным. Однако Злое божество будто не заметило этого очевидного притворства. Возможно, самого факта покорности Праведного божества ему хватило с лихвой, чтобы прийти в превосходное расположение духа.

Его ладонь скользнула по тонкому шелку одеяний, едва уловимо щекоча чувствительную кожу на шее Коу Дуна.

— Вот и славно.

Коу Дуна накрыло волной экзистенциальной тоски.

Что тут, к черту, славного? Он, юноша без малейшего романтического опыта, чистый и невинный, как лист первосортной бумаги, докатился до того, что в виртуальной реальности съезжается с безумным цифровым богом...

Селяне оказались на редкость расторопными.

Уже к полудню снаружи послышался гомон и тяжелый топот. Из соседней деревни прибыли двадцать четыре крепких парня, которые с величайшими предосторожностями волокли огромное изваяние, пытаясь втиснуть его в узкие двери святилища.

— Давай, давай, полегче на поворотах! — командовал кто-то снаружи.

— Тащите алтарь! Держите крепче!

— Поберегись! Смотри не обдери позолоту!

Староста деревни Шаньхай стоял у самого входа. Наблюдая за этим хаосом, он сокрушенно вздыхал и топал ногами от бессильной злобы.

— Да что же это делается! — Он попытался преградить носильщикам путь. — Что за беспредел! Вы же оскверняете святое место!

Но дюжие парни даже не смотрели в его сторону. Их предводитель утер рукавом пот со лба и вздохнул:

— Мы бы и рады, староста, да только деваться нам некуда.

Старик вновь топнул ногой.

— Что значит «деваться некуда»?! — воскликнул он дребезжащим от возмущения голосом. — У

вас в деревне своего святилища, что ли, нет?

И зачем, спрашивается, нужно было тащить своего покровителя сюда и втискивать его на чужой алтарь?!

Но посланцы лишь развели руками:

— Храм-то у нас есть... Да только само божество наотрез отказывается там находиться.

Когда жители Гуцзя осознали, что их новоявленный небесный покровитель — это тот самый презируемый всеми изгой, которого они годами мешали с грязью, их охватил первобытный ужас. Перепуганные селяне за одну ночь собрали лучшие дары и даже подумывали принести в жертву невинных детей, лишь бы отвести от себя гнев грозного владыки.

К счастью, божество не стало насыпать мор и кары, ограничившись тем, что явилось старейшинам во сне.

Сновидение оказалось на редкость лаконичным. Величественный бог восседал на золотом престоле и непреклонным тоном велел:

— Перенесите мое изваяние в деревню Шаньхай. Я желаю стоять бок о бок с тамошним богом.

Выслушав этот священный указ, жители Гуцзя впали в ступор.

Унести его в Шаньхай и водрузить рядом с тамошним покровителем...

Но почему? Неужели у соседей земля более благодатная или фэншуй лучше?

Один из старейшин, замирая от страха, осмелился спросить в своем сновидении:

— О Всевышний, неужели мы прогневали Вас и Вы покидаете свою паству?

На что божество нетерпеливо оборвало его:

— Слишком много болтаешь. Просто сделай, как велено, и не лезь не в свое дело.

Селянам оставалось лишь безмолвно подчиниться.

Спорить с разгневанным небожителем дураков не нашлось. Хоть у всех и поджилки тряслись от страха, они поспешно сняли статую с алтаря, водрузили ее на нарядные носилки и под

грохот барабанов и звон гонгов поволокли в Шаньхай. И вот теперь, оказавшись под сводами чужого святилища, носильщики растерянно озирались, соображая, куда приткнуть своего своенравного покровителя.

Алтарный стол был невелик, да к тому же большую его часть занимало изваяние Праведного божества с цветком в руке. Староста Гуцзя долго примеривался взглядом, после чего робко обратился к коллеге:

— Слушай, сосед... Может, вы своего бога немного подвинете?

Староста Шаньхай едва не задохнулся от возмущения.

С какой стати чужой бог лезет на их законный алтарь?!

Его седая борода мелко затряслась:

— Да вы в своем уме?! Что за вздор вы несете?!

Посланникам из Гуцзя и самим было неловко. Затея выглядела дикой и бесцеремонной. Испокон веков никто не слышал, чтобы два разных божества делили один алтарный стол — подобного не позволяли себе даже божественные супруги. Требовать долю чужих подношений было чистой воды разбоем.

Но спорить с волей свыше они не смели.

Мужики переглянулись и, содрогаясь от мысли о гневном собственном покровителе, решили действовать напролом. Они со страхом и трепетом затеплили благовония перед изваянием Праведного божества, прося у него прощения за дерзость, после чего взобрались прямо на священный стол и принялись грубо двигать статую, освобождая место для своего кумира.

— Наглый грабеж! Вопиющий захват чужого гнезда! — истошно завопил староста Шаньхай.

Он бросился к подножию алтаря и, умирая от обиды, запричитал, взывая к безмолвному покровителю:

— О Великий! Если ты слышишь нас, воззри на это святотатство! Эти варвары лишились последнего стыда! Это же форменные разбойники, вору, посягнувшие на твою славу и подношения!..

Коу Дун уныло вздохнул.

«Вижу я, дедушка, прекрасно вижу...»

Но что он мог поделывать, если рядом на престоле с довольной ухмылкой восседал виновник этого безобразия?

— И как мне теперь смотреть в глаза прихожанам? — продолжал причитать старик. — Наш заступник всегда был образцом чистоты и непорочности... Ладно бы рядом водрузили какую-нибудь богиню, но ведь это тоже мужчина! Это же... это же несмываемое пятно на репутации!

Коу Дун, чье доброе имя только что смешали с грязью без всякой на то вины, в душе был солидарен со старостой на все сто процентов.

Злое божество, подперев рукой подбородок, лениво взирало на суету смертных. На его губах играла самодовольная улыбка. Он едва заметно повел пальцами, и каменное изваяние Коу Дуна послушно скользнуло влево, притираясь к соседней фигуре почти вплотную.

Коу Дун раздраженно буркнул:

— Ты мог перенести это каменное чучело одним щелчком пальцев. Зачем было устраивать эту комедию с носильщиками?

Собеседник вольготно вытянул длинные ноги и отозвался с самым будничным видом:

— Они должны были сделать это своими руками.

Коу Дун решил, что это очередная блажь высокомерного божества, однако следующая реплика заставила его поперхнуться:

— Иначе как бы они узнали, что мы теперь вместе?

Коу Дун лишился дара речи.

Значит, вся эта суета с оркестром и паланкином затевалась лишь ради того, чтобы официально объявить смертным об их сожительстве?

Потрясающе. У него просто слова приличные закончились.

Старый староста Шаньхай сорвал голос и выбился из сил, но так и не смог предотвратить катастрофу. Ему оставалось лишь обреченно наблюдать, как незваный гость прочно обосновывается на чужом алтаре. Снизу новая статуя казалась огромной и грозной, однако от нее исходило совершенно иное, пугающее дыхание. Она не внушала благоговения; ее

небрежная, развалившаяся поза так и дышала первобытной, темной аурой.

На ее фоне стоявшее рядом изваяние Праведного божества казалось хрупким, беззащитным юношей, которого безжалостно притесняет грозный завоеватель.

У старосты щемило сердце от этой картины. В его душу закралось смутное подозрение: а дойдут ли вообще подношения шаньхайцев до их законного покровителя? Не сожрет ли все дары этот наглый самозванец в одно лицо?

Простояв перед алтарем добрых полчаса, старик почувствовал, что у него от нервного напряжения вот-вот прихватит сердце. Дрожащими пальцами он затеплил благовонную палочку и водрузил ее перед статуей Коу Дуна.

— Нельзя во всем потакать лишь вашему владыке, — хмуро бросил он соседям из Гуцзя. — Справедливости ради нужно узнать мнение нашего заступника.

В его словах была доля истины. Перепуганные селяне из Гуцзя не желали гневить ни одного из небожителей, а потому покорно согласились:

— Что ж, спроси его.

Старик, все еще лелея слабую надежду, уточнил:

— И если наш покровитель выразит недовольство, вы заберете изваяние обратно?

Гости дружно покачали головами:

— Ну уж нет, это исключено.

Староста Шаньхай лишился дара речи.

«Тогда какого дьявола вы соглашаетесь?! Это же чистой воды разбой!»

Проглотив обиду, старик дрожащими пальцами поправил курящиеся благовония и трижды отвесил Коу Дуну глубокий земной поклон.

— О Великий заступник, если твой дух пребывает ныне в этих стенах, подай знак своим верным слугам. Если ты против этого наглого соседства, пусть эта палочка тотчас угаснет...

Последние слова он прошептал совсем тихо, так, чтобы их услышали лишь незримые хозяева алтаря.

Сам он ни секунды не сомневался в ответе. Какое уважающее себя божество согласится делить подношения и престол с чужаком? К тому же, с другим мужчиной.

— Жители Шаньхай расшибутся в лепешку, но исполнят твою священную волю, — горячо добавил старик.

Уж Коу Дун-то с радостью задул бы эту чертову палочку, да только возможности подать голос у него не было. Злое божество искоса взглянуло на него и вкрадчиво спросило:

— Не желаешь моего соседства?

Коу Дун судорожно сглотнул.

— Ну что ты, как можно, — выдавил он вымученную улыбку. — Я просто счастлив. Рад до безумия.

Лишь после этого Злое божество сменило гнев на милость. Оно лениво указало пальцем на курильницу — и из тлеющей палочки внезапно вырвался столб яркого оранжевого пламени, заставив присутствующих испуганно отшатнуться.

Огонь разгорелся с такой неистовой силой, что превратился в настоящий пылающий шар. Староста Шаньхай остолбенел.

«Погодите-ка...»

Он стоял с разинутым ртом. Уговор был прост: если бог против, пламя должно погаснуть. Но сейчас благовоние полыхало ярче факела.

Что это могло значить?

В его голове зародилась дикая, пугающая мысль. Старик медленно, с опаской поднял глаза на статую своего заступника и с содроганием подумал: «Неужели... неужели нашему владыке это даже по душе?!»

На лице старика, уверенного, что он постиг великую и страшную тайну богов, отразилась целая гамма противоречивых чувств. Он то бледнел, то багровел от растерянности.

Коу Дун присмотрелся к его мимике и вдруг поймал себя на мысли, что она кажется ему до боли знакомой. Спустя секунду до него дошло.

Точно так же выглядели современные фанаты-шипперы, которые внезапно получали

неопровержимые доказательства связи своих любимчиков. Потрясение от прикосновения к великой тайне постепенно сменилось на лице старика скорбной миной несчастного отца, вынужденного выдать единственную дочь замуж за проходимца. Староста сиротливо привалился к косяку, беззвучно глотая слезы и явно сокрушаясь, что его ненаглядное чадо попало в лапы к тирану.

Коу Дун мысленно прижал ладонь к лицу.

«Ну вот и все. Приплыли».

Мало того, что Праведное божество лишили личного пространства, так теперь на него еще и повесят клеймо похотливого глупца, потерявшего рассудок от любви...

Пока благовоние ярко полыхало, приободрившиеся носильщики в один миг управились с тяжелой работой. Староста Шаньхай больше не чинил им препятствий, и очень скоро обе статуи заняли свои места на алтарном возвышении.

Закончив, люди почтительно отступили назад и подняли головы, вглядываясь в черты двух божеств.

Злое божество стояло по левую руку, Праведное — по правую.

Одно изваяние дышало опасной, дикой силой, второе излучало безграничное милосердие и кротость. И все же, соединенные вместе, они смотрелись на удивление гармонично.

Словно свет и тьма, инь и ян, день и ночь.

Внезапно на глазах у потрясенных прихожан камень пришел в движение.

Люди застыли в немом оцепенении, увидев, как изваяние Злого божества медленно подняло руку и властным, не терпящим возражений жестом притянуло к себе ладонь соседа, пресекая любую попытку отстраниться.

И крепко, намертво сжало ее в своей руке.

Жители Гуцзя безмолвствовали.

Жители Шаньхай онемели от возмущения.

Стало предельно ясно, почему мужики из Гуцзя вели себя как банда разбойников. Каков покровитель, таков и приход: яблоко от яблони недалеко падает.

Каменные ладони намертво сплелись воедино, и на лице Злого божества отразилось глубокое удовлетворение.

— Отныне мы делим все подношения и молитвы на двоих, — тихо произнес он. — Согласен?

Коу Дун мысленно вздохнул. Права голоса у него все равно не было, а потому пришлось смириться с неизбежным и едва заметно кивнуть.

Его вновь начало затягивать в водоворот головокружения, знаменуя скорый конец свидания. Очертания Злого божества поплыли перед глазами, но сквозь пелену до Коу Дуна долетел его тихий голос:

— Я должен сказать тебе кое-что важное.

Тон собеседника внезапно утратил прежнюю насмешливость, сменившись непривычной торжественной серьезностью.

— Посмотри на этих людей, — тихо произнес он.

Коу Дун послушно устремил взор на селение сквозь каменные очи изваяния. Смертные суетились на улицах, трудились в поле, стирали белье — обычная, ничем не примечательная мирная картина.

— Посмотри на них...

Зрачки Злого божества потемнели, наливаясь глубоким, чернильным мраком.

— Они больше не подвластны своему Небесному Отцу, — прошептал он.

От этих слов у Коу Дуна мороз пробежал по коже. Он уловил в них скрытый, пугающий подтекст.

Под «Небесным Отцом» это существо явно подразумевало вовсе не божественных прародителей.

«Неужели ты имеешь в виду...»

В голове зароились безумные, пугающие мысли. Коу Дуну показалось, что божество указывает на саму Систему.

Но стоило этой догадке оформиться, как он мысленно обозвал себя сумасшедшим. Эти

неигровые персонажи сами были бесправными марионетками в руках Системы. Откуда им знать о ее существовании, а уж тем более — замышлять бунт против нее?

Однако Злое божество не стало развивать тему. Он лишь тихо вздохнул, устремив взор в бескрайнюю небесную высь.

Там, под высоким бледным небом, копошились крошечные смертные.

— Слышал ли ты когда-нибудь строки из «Уданаварги»?

Коу Дун, разумеется, слышал. Точнее, один конкретный фрагмент, мало известный широкой публике, но частенько мелькавший в романтических новеллах.

«Любовь — корень всех недугов, подобно стенам цитадели, собирающим людей под своей защитой. Почему зовут ее корнем болезней? Ибо, как учил Просветленный, мукам в преисподней нет числа, и все они порождены любовью. Все страдания в аду происходят от этой хвори. И те, кто лишает жизни, творят это из любви. Воровство, прелюбодеяние, ложь и прочие преступления — все проистекает из нее. Ибо из любви рождается всякое зло».

«Из любви рождается всякое зло».

Эти строки звучали дерзко и казались несправедливым обвинением.

Коу Дун нахмурился, не видя в этой философии ни капли смысла. Но стоило ему вдуматься глубже, как по его спине пробежал ледяной пот, а сердце тяжело ухнуло вниз.

За его плечами остались три игровых мира.

Крёстный отец, Демон, Русал, а теперь и Злое божество... Все они так или иначе кружили вокруг одной неизбежной, фатальной темы —

Вокруг смерти.

Крёстный отец и Демон всеми силами пытались предотвратить его гибель. Русал жаждал продолжить с ним род, пообещав бессмертие после мутации. Злое божество стремилось вырвать его из лап смерти и воскресить.

Разные пути, ведущие к одной-единственной цели.

Разве такое может быть простым совпадением?

В его сознании внезапно созрела безумная, ошеломляющая догадка.

— Я мертв, — тихо произнес он.

Злое божество резко повернуло к нему голову.

Горло Коу Дуна пересохло. Он с трудом сглотнул и озвучил пугающую мысль:

— Или... мне суждено умереть в самом ближайшем будущем. Я прав?

Смерть.

Вечная, неизбежная загадка. Коу Дун не знал, рисуют ли другие в своем воображении картины собственного конца, но сам он возвращался к этой теме с пугающим постоянством.

В отличие от большинства, в его видениях он всегда оставался в полном одиночестве. Он представлял, как неподвижно лежит на холодном бетонном полу. Окружение тонуло во мраке, но подсознание подсказывало: это место огромно и бескрайне, и в нем нет ни единой живой души, кроме его остывающего тела.

Ни слез, ни скорби. Словно пролилась вода в воду или случайный прохожий задел ногой пустую пластиковую бутылку — обыденное, ничтожное событие, не заслуживающее лишних мыслей.

Эта картина не внушала страха.

Напротив, от нее веяло лишь одним... бескрайним, всепоглощающим одиночеством.

Потеряв память, он как-то раз обратился к психотерапевту.

Специалист тогда покачал головой:

— Вы совсем не испытываете страха перед кончиной. Это очень дурной знак.

Коу Дун тогда попытался перевести все в шутку:

— Что ж, выходит, я прямо как легендарный Чжао Цзылун — соткан из одной лишь отваги?

Но врач даже не улыбнулся.

Поняв, что шутка не удалась, Коу Дун посерьезнел и нахмурился:

— Все действительно так плохо?

— Предельно плохо.

Доктор ответил твердо и безжалостно:

— Судя по вашим словам, вы едва ли производите впечатление живого человека.

Он поправил очки на переносице и нахмурился, подбирая слова:

— Страх смерти у людей проистекает из боязни неизведанного. Но в вашем случае... у меня складывается устойчивое ощущение, будто вы уже однажды умирали. Вы прошли через это, а потому теперь вам абсолютно все равно.

В тот раз Коу Дун не поверил ему ни на грош, решив, что мозгоправ попросту пытается выкачать из него побольше денег. И пусть его доходы скромного стримера романтических новелл трудно было назвать богатством, каждая копейка доставалась ему упорным трудом, и разбрасываться кровными он не собирался.

Но теперь, спустя столько времени, он вновь вспомнил тот странный диалог.

«Будто уже однажды умирал...»

— Неужели я кошка? — пробормотал Коу Дун под нос.

У кошек ведь, по слухам, девять жизней.

На лице Злого божества на мгновение отразилось полное замешательство. Ему явно было не под силу уловить безумную логическую цепочку, которая привела юношу к подобному выводу.

Коу Дун повернул к нему голову, прижал согнутые ладошки к щекам на манер кошачьих лапок и негромко мяукнул.

Злое божество онемело.

Даже зная, что этот парень никогда не действует по шаблону, босс все равно выпал в осадок.

Но хуже всего было то, что даже в этой нелепой выходке Злое божество умудрилось разглядеть нечто безумно милое.

Это было просто выше всяких сил.

Он покачал головой, и улыбка медленно сошла с его губ, уступив место какому-то тревожному опасению.

— Ступай, — тихо произнес он. — И не смей забывать.

С этими словами он разжал пальцы. Тьма мгновенно поглотила Коу Дуна, оставив ему лишь долю секунды, чтобы бросить прощальный взгляд на стены угасающего храма.

Внезапно вспомнив о важной детали, он устремил взор в правый верхний угол визуального поля.

Там царила пустота. Лишь слева сиротливо светилась кнопка выхода, но привычного значка Системы не было и в помине.

Похоже, режим свиданий действительно оставался единственным прибежищем, укрытым от всевидящего ока Системы.

Он впервые всерьез задумался над тем, какую роль играет Система в этом безумном мире.

Ее поведение всегда казалось крайне неоднозначным. Коу Дуну порой чудилось, будто она расколота надвое.

Глобальные механики вроде Пруда обмена или тех же свиданий явно создавались для того, чтобы помочь ему выжить и пройти игру.

Но язвительный тон самой Системы, постоянные каверзы, утаивание критических деталей и коварные ловушки — все это прямо указывало на то, что она спит и видит его гибель.

Проще говоря, одна часть Системы выступала на его стороне, в то время как вторая делала все возможное, чтобы навечно запереть его в этой виртуальной тюрьме.

Но зачем?

И почему мишенью стал именно он?

До этого момента он искренне верил, что стал участником какой-то изощренной программы по

перевоспитанию неверных любовников. Мол, раз уж он вел себя слишком нагло в романтических симуляторах, ухитрившись крутить романы сразу с четырьмя персонажами без единого прокола, его затащили в реальный кошмар, дабы проучить и привить верность.

Что и говорить, эта теория отлично гармонировала с нормами традиционной морали.

Но теперь он понимал: истина кроется гораздо глубже.

И самое главное...

Он перевел взгляд на Е Яньчжи, который засыпал его взволнованными расспросами. Крошечный человечек обеими ручонками обхватил его лицо, вертя его из стороны в сторону и пытаясь угадать по выражению глаз, чем именно они занимались со Злым божеством во время свидания.

Коу Дун безропотно сносил этот досмотр, но в его душе зрел тяжелый, безответный вопрос:

Какую же роль во всей этой безумной круговерти играет его собственный названный сын?

<http://bllate.org/book/18984/1960149>